

му, единому Отечеству! Многая лета!
С уважением, благодарностью,
теплом — Людмила Владимировна
(Одесса). 26-27 ноября 2017 года.

**P.S. Мне так захотелось сказать
Вам: в далёкой провинциальной
Одессе жила-была Ваша скромная
соратница. Простите!**

Растрогался я, прочитав столь редкое письмо, о которых Александр Блок писал, что такие письма «помогают жить». Но радость моя была недолгой. Через месяц, когда пошли споры о съезде, по интернет-сетям на моё имя пришло другое письмо, каких никакой Блок никогда не получал:

«Господи, Боже Ты мой, как СТЫДНО! Как ОБИДНО — ТАК НЕОТВРАТИМО, теперь, увы, навсегда! — разочаровываться в людях!.. Как БЕЗМЕРНО ЖАЛЬ человека, в 85 своих лет НЕ ПОЖАЛЕВШЕГО СЕБЯ, не пожелавшего не только исповедать и искупить свои грехи (а кто из нас — безгрешен?), но брать на душу новые, неискупимо чреватые!»

Станислав Юрьевич, окститесь! Остановитесь! Не смейте руки поднимать на несомненно более важное, ценное, чем любые выгоды для себя лично! Ведь придёт ЧАС, ничем не оправдатель!»

Но свято место пусто не бывает, и на месте Станислава Юрьевича появился Николай Фёдорович!

«Уважаемый, дорогой Николай Фёдорович! Да пребудет с Вами Ваше природное, неотторжимое: «ЧЕСТЬ ИМЕЮ!» Да дарует Вам Господь силы, спокойствие, выдержку и на часы съезда, и на трудную, но необходимую России работу ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ!»

И — всем нам — навеки завещанную веру: «ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ!» (А.С. Пушкин, 26 января 1837)».

И Пушкина цитирует, зная, что это мой любимый поэт, чтобы уязвить меня в самое сердце! Вот ведь какая красноречивая одесситка!

Читаю и не понимаю ничего: почему моя попытка возглавить Союз писателей, чтобы освободить его от почти двадцатилетнего семейственного, кумовского режима, при котором он (союз) впал в полную нищету и разорение, почему эта моя попытка была приравнена физически незнакомой мне, но душевно близкой после первого письма Людмилы Владимировны к смертному греху, который «ни исповедать, ни искупить» никаким покаянием невозможно. И о каких «неискупимо чреватых моих грехах» скорбит её душа, отравившаяся статьями Дорошенко, Огрызко и Боброва?

Третий акт этой трагедии (что свидетельствует о серьёзных чувствах) или мелодрамы был озвучен Людмилы Владимировной, как положено, в суперпозитивном, почти цветаевском бормотанье в день открытия съезда.

— Говорят, пострел наш везде поспел?
— Может... но пострел, а не человек.

Каюсь, что «пострел» — это я, потому что в следующей строфе появляется светлая сила, не поддающаяся никаким «пострелам». Скорее всего, эта светлая сила имеет облик Николая Фёдоровича:

Съезд явил: Честь имею!
Не продаюсь, одолею,
Не по зубам «господам»!
С земным поклоном — вам.

Л.Владимирова (Одесса)
15 февраля 2018 г.

Обратите внимание, гурманы: «съезд явил» произносится как «съязвил», ну чем не цветаевское косноязычие, пронзившее моё дряхлое сердце! Ведь мы знаем, как расправляться с человеком, не имеющим ни погон, ни законного делегатского удостоверения на съезд, где правит «Воланд» Дорошенко и «Маргарита» Мирошниченко.

Некоторые письма женщин ко мне были с именами, но без фамилий. Я объяснял это избытком чувств, во время которых письмо изливалось на бумагу.

Дорогой Станислав Юрьевич!
Ваш юбилей — это праздник всей русской литературы, ибо без Вас — главного редактора лучшего русского литературного журнала — русская литература уже многие десятилетия немыслима. Большой русский поэт, тонкий критик, блестящий публицист и мыслитель, главный редактор с редким вкусом, умеющий выстоять в самых тяжёлых условиях, патриот, поднимающийся на защиту России в самых трудных ситуациях, — всё это вместе складывается в огромное явление не только русской литературы, но и русской жизни, и имя этому явлению — Станислав Куняев.

Поэт огромной силы и энергетики, Вы умеете быть заострённо публицистичным, прямым и дерзким, и в то же время Ваши стихи мгновенно пленяют тонкой прозрачностью, щемящей лиричностью, затаённой печалью непокорных смыслов. Многие Ваши стихи возникали как мгновенная реакция на происходящие события, неожиданно становились пророческими, а зачастую и трагически пророческими, и обретали долгую жизнь в литературе — с такой афористической точностью и бесстрашной правдивостью в них отражалось время:

Всё равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт...

**Эти строки, как и многие другие
Ваши стихи, останутся в русской поэзии
навсегда.**

Многие современные поэты и прозаики могут сказать о себе: «Без Станислава Юрьевича Куняева и журнала "Наш современник" меня в русской литературе не было бы». То же самое могу сказать о себе и я. Спасибо за всё, что Вы делаете для России и русской литературы.

Божьей Вам помощи!
И, конечно же, — здоровья и долголетия, радости и вдохновения, новых книг и стихов!

Надежда
(фамилии нет)

Если это Надежда Мирошниченко, забывшая о своём предыдущем письме, где она путается, кому пишет — то ли Дорошенко, то ли мне, то ей не следует больше присылать стихи в «Наш современник», где она уже слишком много напечатала их за последние четверть века, и всяческих хвалебных рецензий о себе начиталась, и несколько журнальных премий получила. Теперь ей надо печататься на сайте у Дорошенко. Там и читателей больше, и к нынешнему начальству союза ближе.

Если же это какая-то другая Надежда, не подписавшая своей фамилией, то шансов на публикацию в журнале у неё гораздо больше, чем у Надежды сыктывкарской, поскольку эта Надежда бесфамильная никогда не возносила до небес творчество главного редактора журнала. А он уже устал от всего этого.

Менять оценки, взгляды, чувства, убеждения на протяжении всего-то полтора месяца — некрасиво, а главное, неумно. Я как давний друг и учитель Надежды сыктывкарской такого непостоянства не понимаю, если даже подобные пере-

мены идут «от всего сердца». Пора в таком возрасте сердечко и пожалеть.

А вот это послание всерьёз огорчило меня. Огорчило настолько, что мне пришлось Брянской Тамаре, землячке Николая Иванова, ответить серьёзно, без шуток.

Тамара Поснова. Брянск
Мне больно читать статью Н.И. Дорошенко. Очень больно. Умные люди, а сколько грязи оказалось... Станислав Юрьевич, мы-то считали Вас человеком, которому до боли в сердце важны ПИСАТЕЛИ, их труд, служение Родине... Мы ведь верили в искренность Ваших добрых помыслов. Вы ведь из таких, кому хотелось верить.

На мой взгляд, разум, светлость, высота помыслов должны остаться от съезда, за ходом которого будут следить миллионы людей.

Я испытываю большую неловкость. Дело не моё? Может быть. Но мои внуки будут читать книги. Какие? Мне это не всё равно. ПИСАТЕЛИ — это же словно стяг над Родиной. Простите меня за сказанное.

Много раз приходилось видеть в работе Н.Ф. Иванова, вокруг которого всегда собираются писатели, любители литературы... Это истинные лидеры. Что он офицер — прекрасно! Следовательно, есть та ЧЕСТЬ, о которой многие позабыли, та ответственность, которая осталась во вчерашнем дне.

Мой ответ Тамаре Посновой:
«Дорогая Тамара! Не преувеличивайте. "Миллионы людей" следить за съездом не будут. Я не понимаю, почему Вам причинила боль лживая статья Дорошенко. Ни наш съезд, ни сочинения Дорошенко не имеют отношения к тому, что я был в дружеских отношениях с Вашим мужем, замечательным поэтом Николаем Посновым, ценил его стихи и печатал их, а после его трагической гибели часто бывал у Вас, бывал на его могиле и делал всё, чтобы память о нём жила в журнале "Наш современник". Какое отношение имеют к этим личным нашим с Вами чувствам и переживаниям наш съезд и грязная по отношению ко мне статья Дорошенко? Вам бы, знающей меня, позвонить да и сказать, что нет, Станислав Юрьевич, не верю я тому, что Вы с Переверзиным "растащили Литфонд" — вот это было бы правильно... Какие вы все, особенно женщины, легковёрные, как легко принимаете за правду всякую сплетню: огрызочную, бобровскую, дорошенковскую.
Ваш Ст. Куняев».

V. «Нам только в битвах выпадает жребий»

А теперь я обращусь к письмам, полученным к юбилею, до, во время и после съезда, но не от женщин, а от мужчин — поэтов, прозаиков, секретарей писательских региональных союзов, известных критиков и совершенно неизвестных читателей, которые часто и фамилиями не подписываются, а всего лишь кличками, именами или псевдонимами. Среди этих отзывов попадаются и умные, и глупые, и хамские, и простодушные. Но в целом они составляют любопытную картину, нарисованную вот таким словесно-чувственным способом. Это словно «музыкальные картины с выставки» — сочинённые то ли Мусоргским, то ли Римским-Корсаковым.

Начну с поздравления воронежского критика и публициста Вячеслава Лютый.
«Дорогой Станислав Юрьевич! Каждая Ваша историко-публицистическая книга оставляет в сознании читателя запоминающийся на долгое время след. Ваши рассуждения о польском вопросе, Холокосте, воспоминания о литературных именах формируют целостное и психологически достоверное представление о русском мире в самые тяжёлые времена его истории. Дискуссия о

классике в 1970-х благодаря Вам стала чрезвычайно значимой вехой в опознании русского ума и таланта в шумливом советском литературном потоке.

Спасибо Вам за Ваши труды, вдохновенные и мужественные стихи. Здоровья, творческих сил, стойкости характера!
С юбилеем!
Ноябрь 17 г. Вячеслав Лютый».

А спустя месяц с лишним этот небездарный критик решил выдать мне другую характеристику, к моему счастью, оказавшуюся неверной:

«Мне очень жаль, что Станислав Юрьевич Куняев, быть может, сам не желая того, оказывается своего рода троянским конём. Полагаю, что во главе нашего союза должен стоять человек чести и воли, а не самодостаточный управленец от литературы. Потому что управленец сможет самому себе объяснить практически любое предпринимаемое им решение. А у русского офицера есть ещё внутренняя дух-совесть, и здесь такие потаённые объяснения подчиняются ответственности совершенно иного порядка.

Я отдаю свой голос Николаю Фёдоровичу Иванову.
И верю, что решение съезда совпадёт с моим решением.

Вячеслав Лютый. 07.02.2018 г.»

Ну не тащил же я за язык Лютый, ни тогда, когда он оценил меня за книгу о холокосте или о Польше, ни тогда, когда сравнивал с троянским конём, который привёз в своём деревянном брюхе в осаждённую подобно Трое крепость на Комсомольском обросшем шерстью Переверзина, готового срубить Ганичеву, как царю Трои Приаму, голову и овладеть богатствами этого сказочного города, несмотря на сопротивление Гектора-Дорошенко. Но вся беда в том, что Лютый — критик хоть с устрашающей фамилией, но человек молодой, и он забыл, что в Калуге (где критики почему-то особенно неумеренно пили) сам Ганичев на съезде предложил утвердить четырёх заместителей: М.Ножкина, В.Крупина, С.Котьяло и И.Переверзина.

Так что, если следовать Гомеру, то Ганичев сам сыграл роль троянского коня и сам притащил в своём деревянном брюхе в свой обречённый город, напичканный роднёй, — опасного ахейнина из северной Греции, ныне именуемой Якутией. Вот так-то, товарищ Лютый, не приписывайте этот сказочный подвиг проникновения Ивана Ивановича в троянский город мне. Я здесь ни при чём. Знаменитые троянцы Ивановы сами прохлопали ушами возвышение Переверзина.

Но есть в нашем Союзе писателей и мужчины, как бы это сказать помягче, с двуполым характером. Сначала они мне пишут приветствия с женской непосредственностью, но потом в их словах и речах, как по команде, прорезаются мужские ноты. Знакомлюсь на одном из сайтов с письмом постоянного автора журнала «Наш современник» Владимира Подлужского, радуюсь, что он поздравляет меня с юбилеем:

«Дорогой Станислав Юрьевич!
Счастливы быть причастным к могучему племени русских писателей, являющихся авторами "Нашего современника". На памятнике Минину и Пожарскому, ставшем своеобразной эмблемой журнала, незримо начертаны имена Валентина Распутина и Василия Белова, Вадима Кожинова и Юрия Кузнецова и, конечно же, Станислава Куняева, кормчего "НС". Здоровья и счастья Вам, Станислав Юрьевич! Вечного света Русскому Маяку под названием "Наш современник"!
Владимир Подлужский
Ноябрь 2017 г. г. Сыктывкар».